

Истории моей мамы

Автор:

Маша Трауб

Истории моей мамы

Маша Трауб

Мама все время рассказывает истории – мимоходом, пока варит кофе. Истории, от которых у меня глаза вылезают на лоб и я забываю про кофе. Истории, которые невозможно придумать, а можно только прожить, будучи одним из главных героев.

Маша Трауб

Истории моей мамы

© Трауб М., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Посвящается маме

«Мамы разные нужны, мамы разные важны». Это стихотворение Михалкова, которое читали по куплету все советские дети на утреннике в детском саду

в честь Восьмого марта, я никогда не понимала. Бойко тараторила про маму-вагоновожатого и не понимала – как это бывает? Мама-повар? Да, наверное, кому-то повезло. Кто трусы ребятам шьет? Точно не моя мама. Неужели есть мамы, которые приходят домой вечером, готовят ужин и смотрят телевизор? Или проверяют дневник и спрашивают, как дела в школе? В нашем с мамой случае все было совсем иначе.

Наша жизнь очень отличалась от быта остальных семей. И не только потому, что мы с мамой всегда жили вдвоем, точнее втроем – еще была бабушка, мамина мама. А еще потому, что мама никогда не хотела выйти замуж или найти себе «мужское плечо», на которое могла опереться. Ей нужны были только я и бабушка, а мне – она и бабушка.

Мама все время рассказывает истории – мимоходом, пока варит кофе. Истории, от которых у меня глаза вылезают на лоб и я забываю про кофе. Истории, которые невозможно придумать, а можно только прожить, будучи одним из главных героев.

Мама такая, какой я никогда не хотела быть в детстве. И такая, какой хочу быть сейчас.

Она никогда не стремилась к власти, даже в бытовом, карьерном смысле слова. Деньги, да, были нужны, но только чтобы содержать нашу маленькую семью. Ни счета на сберкнижке, ни записочек под подушкой. Мама очень легко относится к деньгам – если есть, то нужно тратить. На удовольствие. На радость. Если не хватает, надо пойти и заработать. Не просить, не брать в долг, не «есть серые макароны», как она любит говорить.

Она всегда носила короткую стрижку, почти «ежик». Не потому, что модно – ее волосы не выдержали стрессов, переездов, смены воды, климатических зон, и я не знаю, чего еще. И еще у нее были седые корни. Мама поседела очень рано и красилась басмой. Со своим чернильным «ежиком» и алой помадой она не была похожа ни на кого из соседок и знакомых женщин. У мамы всегда была красная помада, в любое время суток.

А у меня всегда были косы. Длинные. До сих пор хожу с длинными волосами и никогда не проводила экспериментов с короткими стрижками.

Помада. Я красила глаза и оставляла бледными губы. И только сейчас позволила себе красную помаду. И вдруг увидела в зеркале маму, в молодости. Копия.

– Ты совсем на меня не похожа, – твердила мне она все мое детство, – и это хорошо.

А я похожа. И красная помада мне идет.

Мама ходила в брюках, джинсах, водолазках, а меня наряжала в платья и юбки. У нее был плащ – как солдатская шинель. Всесезонный. Непромокаемый и непробиваемый. Он только стерся на плече – от веса сумки, в которой она носила документы и картошку. А мне она покупала пальто и кроличьи шубки. Нет, я не была «девочкой-девочкой», как говорят современные мамы про своих дочерей. Я была дочерью Ольги Ивановны, и этому положению приходилось соответствовать.

Я никогда не задавала вопросов, они и не были нужны – мама всегда оставалась блестящей рассказчицей, умело смешивающей реальность с вымыслом.

– Скажи мне правду! – просила я.

– Зачем? Это не так интересно. Вообще неинтересно, – отвечала она.

Иногда мне казалось, что мы с мамой тоже персонажи книги, увлекательного детектива, которые она так любила, а не живые, реальные люди. Наверное, это была защитная реакция ребенка на события, в которых он ничего не понимает. И все люди вокруг мне тоже казались героями. Вымышленными. Не списанными с реальности.

– Ты когда-нибудь расскажешь, что происходило на самом деле? Как ты жила? – спросила я.

– Когда я умру и ты придешь ко мне, не забудь диктофон, – хохотнула мама.

Да, она смеется над смертью. И над собой. Она смеется над собственной судьбой, которую несколько раз обманывала.

* * *

Это старая осетинская традиция. Когда умерла бабушка, мама должна была просидеть с ней ночь – в комнате, где все зеркала завешаны черной тряпкой, а на столе в центре комнаты лежит покойник, и близкие родственники несут вахту прощания: оплакивают, рвут волосы, голосят, причитают, падают без чувств.

– Это ведь так тяжело. Как ты выдержала? – спросила я маму. Она была одна, когда прощалась с бабушкой. И вся боль досталась только ей. Разделить не с кем.

– Да я и не заметила, как ночь пролетела, – ответила мама.

– Как это?

– Я всю ночь с твоей бабушкой ругалась. Высказала ей все, что хотела. Спорила, доказывала, даже кричала на нее. Впервые так хорошо с ней поговорила.

Да, в этом вся моя мама.

Ей поставили страшный, смертельный диагноз. И что она сделала? Взяла меня и уехала отдыхать в Гагры. Кутила, гуляла, ходила по ресторанам. Помогла нашей хозяйке, у которой мы снимали угол, отвоевать у соседей законную территорию двора, сосватала ее дочку за очень хорошего жениха. Она даже не плакала. Она жила, потому что очень хотела жить. Потом оставила меня у этой хозяйки и уехала делать операцию. Знала, что со мной все будет хорошо. Хозяйка – тетя Роза – учила меня варить компот и плакала. А я не понимала, почему она плачет. Ведь все было так хорошо! У меня появились подружки, я каждый день бегала на море. И совсем не скучала по маме. Наоборот, просила тетю Розу оставить меня у нее «на подольше». Хозяйка плакала и гладила меня по голове.

Мне кажется, мама обманула судьбу. Ей опять это удалось.

Через пятнадцать лет она пришла в клинику, где ей делали операцию, и пожилая медсестра позвонила хирургу, который оперировал. Он уже был

на пенсии.

- Здесь Ольга, - сказала медсестра доктору, и тот даже не спросил, какая такая Ольга. Ведь пока мама лежала в больнице, она работала - врач получил возможность видеться с сыном от первого брака, которого давно вычеркнул из собственной жизни, но не из сердца. Сердце болело, а когда появилась моя мама - отпустило. Она попросила бывшую жену хирурга прийти в больницу и проговорила с ней несколько часов. Врач метался под дверью, не зная, что делать - или спасти маму, которая лежала под капельницей, или не вмешиваться, чтобы... чтобы мама сотворила чудо. Женщина вышла из палаты в слезах, обняла бывшего мужа, которого ни видеть, ни слышать не хотела, и уже на следующий день привела в больницу их общего сына.

- Что ты ей сказала? Как тебе это удалось? - Врач плакал.

А маме было так плохо, что она даже говорить не могла.

И вот спустя столько лет медсестра, хирург, его взрослый сын стояли и смотрели на маму.

- Как тебе это удалось? - спросил врач, имея в виду, что его пациентке было отпущено болезнью полгода, максимум год, а она прожила пятнадцать и собиралась еще прожить не меньше.

Мама хмыкнула и попросила разрешения закурить.

- У меня было полно дел, - ответила она.

Медсестра плакала. А парень, сын хирурга, смотрел на всех и не понимал, что происходит.

* * *

Наверное, если бы мама варила компоты и шила трусы, я бы выросла другой. Но она была юристом, адвокатессой, занималась разделом имущества, бракоразводными процессами, наследственными спорами.

Она могла поступить в Литературный институт без экзаменов – прошла по творческому конкурсу, по национальной квоте – писала блестяще и легко. Но выбрала себе другую профессию.

– Почему? – спросила я.

– Потому что люди всегда будут разводиться, делить имущество, умирать, не оставив завещания, любить и ненавидеть друг друга. И это всегда будет приносить доход.

У нее было много «работ» – база Роспосылторга, Моссовет, арбитраж, строительные управления, потом – собственная юридическая консультация.

– И как ты устраивалась в такие места? Туда же с улицы не брали!

– Связи, взятки, клиентские отношения. И потом – я была очень хороша. Не в смысле внешности. Хотя в этом смысле тоже. Я выигрывала дела. Такие, за которые никто не брался. А я бралась. У меня была своя ниша – ко мне приходили люди, которым уже везде отказали. И плюс – «сарафанное радио». Меня, как врача, передавали из рук в руки. Я не хвастаюсь. Это было тяжело. Ты же знаешь, все видела. На твоих глазах все происходило...

– Тогда почему ты не стала богатой?

– Потому что язык был длинный. Молчать я не умела. Дверью могла хлопнуть и послать подальше. Не боялась. И дружила, с кем хотела, а не с кем надо.

Да, мама никогда не разделяла работу и личную жизнь, поэтому для меня мамины клиенты были тетями Наташами, дядями Сашами. Людьми, которые приходят к нам в дом. В любое время суток. Звонят по ночам. Или будят с утра. Кричат в трубку. Или молчат. Или плачут. И мама закрывает дверь на кухню, открывает форточку, чтобы выветрить табачный дым, и работает. Я засыпала под звук механической пишущей машинки, на которой она отстукивала исковые заявления. И пока мама спала, я меняла ленту в машинке и вставляла чистые листы, прокладывая копиркой.

Мне было три года, и я выговаривала не все буквы. Понять что-то в моем лепете мог только очень заинтересованный, неравнодушный человек. К домашнему телефону всегда подходила я. Поэтому мне пришлось рано научиться общаться. Это была «проверка на вшивость», как выражалась мама. Если взрослый человек адекватно реагировал на голос ребенка, значит, он не был сволочью. Ну, или хотя бы не до конца сволочью.

- А мама дома? - спрашивали меня незнакомые голоса.

Я очень рано научилась врать. Мама стояла рядом и подсказывала мне вопросы.

- Кто ее спрашивает? - вежливо интересовалась я.

Если после этого давали отбой или недовольно требовали, чтобы я немедленно передала трубку взрослому, мама не имела дела с этим человеком. Если же со мной начинали разговаривать, спрашивать, как меня зовут, сколько мне лет и представлялись - мама давала человеку шанс на защиту.

Уже позже у меня появилась любимая игра - я брала телефонную трубку и по голосу пыталась догадаться, кто на том конце провода. Потом, когда эти люди появлялись у нас на пороге, я сравнивала свои фантазии, образ, который нарисовала в своем воображении, с реальным человеком. Почти никогда не угадывала. Голос очень обманчив. Бывает, что очень красивые голоса принадлежат жестоким людям, а обладатели неприятного тембра оказываются добрыми и искренними. И еще я рано поняла - если совсем плохо, очень тяжело, люди никогда не плачут, отвечают скупой, сдержанной. А если ерунда какая-то, яйца выеденного не стоит, то бьются в истерике. Мама, как правило, имела дело с теми, кто не плакал.

Да, почти все мамины клиенты становились ее друзьями. Она всех впускала в дом. У нее не было частного пространства - так ей было проще работать. Она верила в дружбу. Учитывая циничную профессию, жесткий характер и само время - не самое простое и благополучное, это можно было бы считать идиотизмом или наивностью. Но мама не была ни идиоткой, ни наивной. У нее имелись собственные представления о том, как должно быть. И главное, что я запомнила: если закрыта дверь, всегда открыта форточка. Не бывает такого, что вообще ничего нельзя сделать. Можно не пытаться - так проще.

Еще она говорила, что прежде чем махать топором, его стоит хорошенько наточить. И еще одно – если ты думаешь, что все плохо, просто выйди и проветришься. Хотя нет. Чаще она говорила другое своим клиентам – если все плохо и выхода нет, стоит лечь спать. Или выпить. Шутка? Не знаю.

Однажды, мне было уже восемнадцать и я училась в институте, в очередной раз позвонил телефон.

– Маня! – воскликнул радостно мужской голос. – И где твоя мать? Скажи ей, что это я!

– Кто – я? – Память мне ничего не подсказывала. Голос был чужим, не знакомым.

– Мань! Ребенок! Ну ты даешь! Как же я соскучился! Столько лет прошло, а у вас все по-прежнему! Ты так же отвечаешь на звонки! С ума сойти! Сколько тебе сейчас лет? Дядя Лева! Это дядя Лева!

– Мамы нет, что ей передать? – спросила я, поскольку никакого дядю Леву не помнила.

– Господи, ну ты совершенно не изменилась! Такая же строгая! Передай маме, что я перезвоню. Просто хотел сказать спасибо. Да, я знаю, прошло много лет. Пятнадцать, наверное. Ты, наверное, совсем взрослая. Я еще позвоню. Постараюсь. Ребенок, а ты учишься?

– Да, в институте, на журналистике.

– Ну, Киселева! Ну, в своем репертуаре! Обречь ребенка на такую профессию! – Незнакомец захохотал. – Мань, скажи ей, что я ее люблю. И тебя люблю. Как же хорошо, что я тебя услышал. Знаешь, вот давно хотел позвонить и не решался. А теперь твой голос услышал – и мне не страшно. Я помню, как ты шепелявила – у тебя не было верхних зубов! Так смешно говорила! И две косички с бантиками! Скажи мне быстро – у вас все хорошо? Правда, хорошо? Ладно, мне пора. Только обязательно передай маме, что я звонил! Слышишь? Передай! Скажи, она рядом стоит? Наверняка. Как же я сразу не сообразил. Оля! Ольга! Киселева! Ты меня слышишь? Прости. Я очень виноват. Мань, дай ей трубку! Я же знаю, что она

там! Я чувствую! Ольга! Это я, Лева!

Я не успела ничего сказать. Раздались короткие гудки. Мама стояла рядом. И кивком дала мне понять, что не подойдет к трубке. И я, как в детстве, не посмела ее послушаться.

- Он умирает. Поэтому позвонил, - сказала мне она.

- Кто это? Почему ты с ним не поговорила? Он ведь так просил.

- Лева. Мой друг. Разве ты его не помнишь?

- Почему ты решила, что он умирает?

Мама пожала плечами. Она вообще не отвечает на вопросы, ответы на которые кажутся ей очевидными. То ли это цинизм, то ли интуиция, то ли мудрость, но она знает, что услышит в следующий момент. Чувствует людей, читает их мысли, знает, что нужно человеку, еще до того, как тот открыл рот. В детстве меня это завораживало. Я считала, что мама немножко колдунья.

- Главный мотив - деньги, - говорила она мне, проводив очередную безутешную клиентку, страдающую от того, что ее бросил муж, просто бьющуюся в конвульсиях и рассказывающую о том, как его любит.

- Нет! Это же любовь! - возражала я.

- Ага. Любовь. И трехкомнатная квартира, которую он может поделить. А еще дача. И скоро у него будет еще один ребенок, который станет на все это претендовать как наследник. Вот такая любовь.

- Ты ей поможешь?

- Нет. Неинтересно. Пусть пойдет, поработает. По сторонам посмотрит. Ей будет полезно.

- Но она предлагала такие деньги! Ты же говорила, что тебе нужен новый клиент!

- Она дура и не поумнеет, - отвечала мама.

Мама никогда не гналась за деньгами. Понять логику, по которой она соглашалась вести то или иное дело, было невозможно. Но она, эта логика, безусловно, была. Мама бралась защищать только тех, кто вел себя порядочно - в каком-то глобальном смысле слова. Она защищала тех, кому нужна была защита. Кто оказывался в настоящей беде. А от тех, кто с порога начинал врать, рыдать, обещать золотые горы, угрожать, отказывалась сразу.

- Для меня ты была героиней, - сказала я недавно маме.

- Нет, у меня тоже были ошибки, за которые я расплачивалась.

Мама всегда была и остается максималисткой. Для нее существует или черное, или белое. Ей проще хлопнуть дверью, чем аккуратно ее прикрыть. Наверное, поэтому я выросла совсем другой. Я иду на компромиссы, даже когда могу навредить себе. Я физически не могу дать сдачи. Мама всегда была прямой, как струна, непреклонной, негибаемой, а я гибче, мягче. Но тоже могу хлопнуть дверью. Как говорят мои близкие: «Маша выдала Ольгу Ивановну». И я действительно долго точу топор, прежде чем махнуть с плеча.

* * *

Мое детство было необычным. В доме всегда были люди. И я не знаю, как это - быть одной, не умею наслаждаться одиночеством. В моей маленькой комнате на полу всегда кто-то спал - тетя Люба, которую бил муж и обещал ее убить, а мама помогала ей разводиться. Тетя Вера, которую выписал из квартиры родной брат, поменяв замки, и ей попросту негде было жить. Мама возвращала ей права на квартиру.

Мама ходила по дому с телефонной трубкой - шнур был длинным и доходил даже до ванной. Вечером на кухне собирались люди - тетя Люба готовила, тетя Вера мыла посуду - оттирала содой чашки и тарелки. Иногда звонили в дверь, и я открывала, не спрашивая «кто там?». На пороге могла оказаться сумка с продуктами, а лифт уже ехал вниз, и я не знала, кто поставил ее нам на коврик. Или появлялся сумрачный мужчина, который передавал газету, сложенную свертком, и исчезал. «Маме передай», - говорил он мне, и я

передавала. В тяжелые времена, когда у мамы не было клиентов (она шутила, что чувствует себя актрисой – то густо, то пусто) и нам не хватало даже на хлеб, на пороге всегда возникали то сумка, то деревянная коробка, набитая мандаринами, бананами, сигаретами, колбасой. Или появлялся мужчина с газеткой, и мама высыпала на стол купюры.

– Это за что? – спрашивала я.

Мама пожимала плечами и не отвечала. У нее никогда не было таксы или определенного гонорара. Иногда она работала вообще без вознаграждения: «Отдадите, когда сможете». И эти сумки, конверты, передачи через проводников поездов, посылки на почту, переводы из других городов были платой за ее работу. Мама смотрела на очередной ящик, который забрала с почты, и читала маленькую записочку, вложенную внутрь: «Поздравляем с Новым годом. Спасибо вам за все. Лена».

– А кто эта Лена? – спрашивала я, вытаскивая из коробки книжки, теплые сапоги, летний сарафан, куклу и комплект постельного белья.

– Лена? Ты разве не помнишь? Из Красноярска! Ну, Лена! У нее еще дочка – твоя ровесница. Я им помогла комнату в коммуналке отсудить. У нее муж умер, а свекровь... Ладно, не важно. Ты совсем маленькая была. Не помнишь? Она с тобой сидела, пока я по судам бегала. Сколько? Лет пять прошло? Значит, у нее все хорошо.

Наши соседи, а также любопытные старушки у подъезда маму не то чтобы побаивались, скорее, очень уважали. Бабули – баба Катя и баба Надя со второго и девятого этажей, наши местные постовые, которые докладывали маме, как я подвернула юбку по дороге в школу, чтобы сделать ее покороче, – становились глухими и немыми, если речь шла о моей маме.

– А Киселева здесь живет? – спрашивали визитеры.

Бабули немедленно принимались разглядывать облака и судачить о погоде и ноющих суставах. Зато потом выдавали маме полное описание внешности посетителей.

Однажды у нас на лестничной клетке появился запах. Стойкий.

- Чем пахнет, не могу понять, - удивлялась мама, обнюхивая квартиру и площадку.

- Генка, чем пахнет, разве не чувствуешь? - донимала она соседа, который всегда курил на площадке, бросая окурки в консервную банку.

- Не чувствую, - отвечал сосед.

- Нет, уже просто воняет! - возмущалась мама.

Источник запаха обнаружился около мусоропровода, за стояком. Там лежала сумка, которая и источала зловоние.

- Генка, что это? - спросила мама у соседа, который на своем посту все видел и слышал. Он на лестнице проводил больше времени, чем в собственной квартире.

- Не знаю, - ответил сосед.

Но потом признался. Сумку принес незнакомый мужчина, очень неприятный с виду, даже опасный. Здоровенный такой детина. Сумку он поставил под дверь и даже не позвонил. Еще огляделся так, подозрительно.

- А ты чего? - спросила мама у Генки.

- Чего? В квартире заперся и в глазок смотрел.

- Так чего мне не позвонил?

- Ольга, оно мне надо? Я же не знаю, что там в сумке! А вдруг отравка какая-нибудь? Или бомба!

- Похоже, это рыба. Стухшая, - констатировала мама, осторожно заглядывая в сумку, - и здоровенная.

- Вот она текла у тебя под дверь, поэтому я ее к мусоропроводу и вынес. А лужу тряпкой вытер. К тебе ж разные люди приходят. Нехорошо, чтобы они в лужу ступали.

- Чего ж ты рыбу не выбросил сразу?

- Так вдруг это вещдок или улика? Вдруг она бы тебе понадобилась?

- Генка! Мы с тобой такой продукт угробили! - расстроилась мама. - Это же муксун! Настоящий! Наверняка кто-то с Севера передал. Жалко-то как!

- Значит, отравить тебя хотели, - хмыкнул Генка, - а я не дал. Эта сумка мне сразу не понравилась. И воняла она еще до того, как я ее выставил.

- Генка, ты муксун когда-нибудь ел?

- Нет, а что?

- В следующий раз, если такую вот подозрительную сумку увидишь, не выбрасывай. Угощу!

Все мамины клиенты так или иначе имели ко мне отношение: Лена нянчилась со мной, тетя Настя читала на ночь стихи Цветаевой и Мандельштама. Мне было слишком мало лет, чтобы понимать, что именно она читает, но я засыпала под ее декламацию. Это был фокус, трюк - тетя Настя могла начать с любого места, как сказку, на которой остановилась прошлым вечером. Я до сих пор легко воспринимаю тексты на слух.

Тетя Варя пыталась натаскать меня по математике, правда, безуспешно. Она была убеждена, что у каждого ребенка одинаково развиты оба полушария и все дети - практически гении. И не оставляла надежд развить во мне математические способности. Она показывала математические фокусы с таблицей умножения - как запомнить таблицу на девять, например. Надо просто правильно заполнить цифровой столбик. Девятью один - девять. Девятью десять - девяносто. Потом двигаемся сверху вниз, расставляя цифры от одного до восьми. А потом снизу вверх - опять же с восьми до одного. Чистая красота

цифр. И ее не смущал тот факт, что мне всего пять лет.

Тетя Эльза – в прошлом балерина – учила меня слушать музыку. Под счет. На раз – стоять, на два – повернуть голову. Она все время считала, даже когда ходила по квартире. «И раз, и два». Это «и» – осталось в моей памяти на всю жизнь. «На раз – встали в позицию. Два – голова, голова! Где у тебя голова? Плечи вниз! Кто так ходит? А душа, душа вверх, вверх! Где у тебя душа? Вот здесь душа! Живот втянуть, над ногами! Живот над ногами!»

Я знаю, где живет душа – в ложбинке между грудью. Нет, чуть выше. И если вдохнуть, то душа потянется вверх. И автоматически вытянется шея и поднимется голова.

«Стой с достоинством!» – кричала тетя Эльза, и я это усвоила на всю жизнь. Если плохо, тяжело, работа, неприятности, главное – стоять с достоинством. На «и» – повернуть голову, на «раз» – кивнуть. И молчать. А когда совсем тяжело, просто умираешь, то нужно тянуться в два, нет, в четыре раза сильнее.

«Эмоции можно выразить без слов, – говорила тетя Эльза. – Чуть выше подбородок – это презрение. Наклон головы – страдание. И чтобы никакой беспардонности я не видела!»

Беспардонность тетя Эльза видела в слишком небрежной позе, ноге на ногу, в чересчур эмоциональной мимике.

У меня появилось плоскостопие, и очередная благодарная клиентка передала для меня ортопедические сандалии. Тетя Эльза сухой, жесткой рукой отправила их в мусорное ведро.

– Я сама выверну ей стопы, – сказала она маме.

Поскольку мама была занята, то вряд ли она слышала, что пообещала тетя Эльза. И не видела, как она ломала мои ступни своей железной хваткой, добиваясь выворотности и бугорка на стопе. Она выкручивала мне ногу и считала до десяти. У меня до сих пор высокий подъем и выворотность, которая никак не пригодилась в жизни. Плоскостопия, надо признать, тоже нет. Когда мне тяжело, я вспоминаю уроки тети Эльзы – глубокий вдох, всем телом, и резко вниз плечи, перевязать бантом лопатки, втянуть живот, душу вверх, и все,

готова. Ко всему готова. И еще одно оставшееся в моей памяти выражение: «Сосок на носок!» Если так встать, то внутри образуется пружина – такая жесткая, что не дает разболтаться. Ни телу, ни духу. Кажется, что ты стоишь неправильно и сейчас упадешь носом вниз. Потеряешь равновесие. Но происходит другое – тело вытягивается, напрягается, и по всему позвоночнику, до мозжечка, идет ток, мелкое покалывание. И вдруг по никому не известным законам ты можешь бежать, вверх, выше, еще... Тетю Эльзу я мысленно благодарю до сих пор...

– Ты можешь вспомнить самый страшный случай из своей практики? А самый смешной? Тяжелый? – спросила я маму.

Я решила просто записывать ее рассказы. Истории адвокатессы, у которой были проигранные дела, но ни одного промаха. Женщины, которая поставила мне, своей дочери, одно-единственное условие – я никогда не пойду по ее стопам, никогда не стану юристом и никогда не проживу такую жизнь, как она.

Моисей

– Ты, наверное, его должна помнить, – начала мама. – Мы жили на Севере. Я работала в юридической консультации и стала первым адвокатом на всю округу. Первым в буквальном смысле слова. В поселке и врачей-то не было, не то что адвокатов. Моисей стал моим первым клиентом. Конечно, я взялась за его дело – мне нужны были репутация, деньги, слава. А Моисей – идеальный клиент, просто подарок судьбы.

На самом деле его звали Георгий Моисеенко. Но для всех – Моисей. Очень хороший мужик. Не просто хороший – настоящий. Немногословный, уверенный в себе, честный. Он работал начальником участка на буровой. Город наш еще тогда считался поселком, а Моисей – местной знаменитостью. Его обожали. Тогда ведь кто приезжал на Север – или уголовники бывшие, или сумасшедшие, или такие, как я – авантюристы в погоне за большими деньгами. А Моисей приехал по зову сердца... Не смейся. Это сейчас кажется странным, а тогда... Он верил, что горы льда можно превратить в цветущий город. И только об этом и говорил – как вместо бараков вырастут многоэтажки, больницы, детские сады, школы.

Еще он мечтал, чтобы рядом с нашим поселком появился комплекс, которого нет нигде в мире: чтобы из горы выходили мамонты и другие вымершие животные. А детишки бегали бы вокруг скульптур саблезубых тигров и любовались ледовыми дворцами.

Что еще его отличало от всех остальных? Отличное образование, прекрасная речь и харизма – настоящая мужская харизма. Вот он сидел напротив меня, рассказывал про мамонтов, и я начинала ему верить и готова была пойти за ним куда угодно. Он организовывал субботники, и мы все выходили – сажать чахлые саженцы, которые не желали приживаться в мерзлой почве. Но Моисей верил, что из этих палок вырастут деревья.

У него были жена Светлана и пасынок Сережа, которого Моисей усыновил и относился как к родному. Кто бы сомневался. По-другому и быть не могло. Просто образцово-показательная семья. Я даже не думала, что такие встречаются. Смотрела на них, раскрыв рот, хотя была уверена, что меня уже ничто удивить не может. Всегда же смотришь на такие счастливые пары и гадаешь, когда они начнут скандалить – после первой рюмки или после третьей? А тут – никакого подвоха. Светлана – пухленькая, в кудряшках, хохотушка, добрая, простая, как пять копеек. За плечами – восемь классов образования и неоконченное училище не знамо чего. Нет, не это главное. Я была у них в гостях... То Света мужа за руку тронет, то он ее поцелует. Не на публику. Просто так. Будто они молодожены и не могут еще оторваться друг от друга. Некоторых это удивляло, а я завидовала. По-хорошему. У них была связь – с прикосновениями, с полувзглядами. И Сережа обожал отчима. Я никогда не видела, чтобы мужики так к детям относились. Он ведь все бросал, чтобы покатать с Сережей машинку. Представляешь, стол накрыт, гости, а Моисей встал и пошел Сережу укладывать – мальчик без него не ложился. И пришел через полчаса, когда Сережа уснул. Мужики в шоке, бабы чуть ли не рыдают от умиления. А Света гордая ходит. И это было так естественно, так, как должно быть. Он искренне любил этого ребенка.

Получалось, что он и дома такой же идеальный. И Света вроде чуть ли не святая – она готовила потрясающе. Особенно котлеты рыбные ей удавались. И пироги. На столе такие расстегаи стояли – язык можно проглотить. И вроде бы из ничего делала, а вкусно до истерики. И кто бы ни пришел – у нее забит холодильник и стол накрыт. Георгий в таких рубашках ходил – лучше чем из химчистки. Хотя о чем я говорю? Тогда и химчисток не было. Но Света отбеливала, отпаривала, крахмалила и складывала стопочкой – каждая рубашка

аж хрустела, а воротничок стоял колом. Как уж она умудрялась, какие секреты знала – так мужика обиходить, чтобы он и пасынка признал, и домой спешил, и на сторону не смотрел. Вот тебе и восемь классов образования. И кудряшки. Ну готовит, ну на полках у нее порядок, полы сверкают, ни пылинки, ни соринки, но ведь не красавица. Поди пойми, что у мужчин в голове. Что им нужно? Неужели вот такой стерильный диспансер с регулярным питанием и дурой под боком, которая, чтобы понравиться мужу, встает рано утром, красит ресницы, а потом снова ложится?

С другой стороны, Моисей и сам был как не от мира сего – с его представлениями об идеальном Севере, о городах будущего, о цветущих оазисах, разбитых между льдами, о покорении вечной мерзлоты.

Почему я так долго об этом рассказываю? Чтобы ты поняла. Такого не бывает. Жизнь не кино. И Георгий не комсомольский вожак в исполнении красивого актера. Но он был таким. Как в кино. И Света в его тени казалась другой. У них было то, чего не было ни у кого, – семейное счастье, горящие глаза...

У Георгия и на участке всегда царил полный порядок. Как только начальство с Большой земли приезжало, их сразу к нему везли – буровую показывали. А потом к нему домой, на пельмени и расстегаи. Начальство в восторге, Георгию – премия, почет и уважение. Они со Светланой были визитной карточкой нашего поселка. Семейой, на которую все равнялись. Тебе смешно? Я тоже сначала не верила, но это происходило на моих глазах. Я казалась себе трезвенником, который оказался на пьяном застолье и вдруг поддался всеобщему веселью, будто пил наравне со всеми. Я даже корила себя за плохие мысли. Смотрела на Моисея, на его жену и чувствовала себя виноватой – за то, что не верю, не в силах поверить в их искренность и такую уж безгрешность, что ни одного камня за пазухой.

Никто не мог предположить, что такое случится. Как раз накануне очередной проверки все и произошло. На участке Георгия – трагический случай. Катерпиллер в болото утянуло вместе с машинистом. Что такое катерпиллер? Чудо японской техники. Как экскаватор. Был выделен образцовой буровой за особые достижения в покорении Севера. Можно сказать, выдали лично Георгию, как премию, и ждали перевыполнения плана.

На самом деле это страшное ощущение – сегодня ты думаешь, что все хорошо, и знаешь, что будет завтра. И вдруг – все, пустота. Когда ты такой идеальный,

любая оплошность может стать роковой. Люди умирали, смертность на буровых была очень высокой, никто не удивлялся – погодные условия, невыносимые условия труда, лишения. Но если тебе выделили чудо техники... Каждый твой шаг должен был стать победным, тебе ничего не прощали. То, что погиб человек, не имело никакого значения. А то, что новенький экскаватор утонул в болоте – непростительно. Как теперь отчитываться перед руководством?

Моисей ходил сам не свой. Все понимали – несчастный случай. Но начальству нужен был козел отпущения. Кто-то должен был ответить за технику, которая ценилась дороже человеческой жизни. На Моисея завели уголовное дело – он формально отвечал за технику безопасности на участке. Формально, поскольку никакой безопасности не существовало. Суд провели экстренно, чтобы перед начальством отчитаться, даже адвоката не было. Моисею дали три года условно и выписали за этот самый экскаватор огромный штраф, который он за всю жизнь не выплатил бы.

Он пришел ко мне на следующий день после суда. Как-то он мне сказал, что я на него похожа – думал, что из Москвы приехала поднимать Север. Что я честная, идейная, своя. Понимаешь? Он мне доверял. А мне нечего было терять. Знаешь, что меня потрясло? Он не за себя пришел просить. Не за себя боялся. Сказал, что я должна сделать больше, чем подать кассацию. Он с моей помощью хотел доказать, что буровую нужно закрыть. В том месте, где произошла трагедия, нельзя было бурить. Георгий готов был биться до конца. Да, я схватилась за это дело. Как это сейчас называется? Пиар? Так вот я прекрасно отдавала себе отчет в том, что могу или выиграть, или проиграть с треском. И в первом случае у меня будет все и, главное, репутация. Во втором – придется уезжать. Мы проговорили два часа у меня в конторе, потом домой к нам пришли – Георгий не хотел тревожить Светлану. И он до утра мне рассказывал про геодезическую съемку. Что она была проведена, есть все документы и данные, согласно которым в том самом месте, где все случилось, работать было запрещено категорически. Но по велению начальства съемку проигнорировали и стали бурить.

– Я виноват. Знал. Но тоже молчал, – признался Моисей. – Решил, что начальству виднее.

– Мы можем обжаловать приговор, – сказала я.

- Достань эту съемку. Она наверняка в архиве. Пусть буровую закроют. Ты сможешь это сделать?

- Ты что, партизан? Ну какая из тебя Зоя Космодемьянская? Зачем тебе оно надо? Может, лучше не связываться? Ты же знаешь, что никто не будет разбираться. Тебя уже наказали. Перед начальством отчитались. Будут бурить дальше. Дело проигрышное, хоть и громкое, - пробовала уговорить я Моисея.

- Я заплачу?. Любые деньги. Только достань эту съемку. С твоими московскими связями у тебя получится, - упорствовал он. - Мы должны перенести буровую на другое место, иначе будут новые трагедии.

- Будут, обязательно. Как везде. Тут люди мрут как мухи. Это же Север. Их никто сюда не гнал. Сами приехали за надбавками. Знали, на что шли.

- Ты тоже?

- Да, и я тоже. Приехала зарабатывать.

- Тогда делай свое дело. Деньги у тебя будут, - отрезал он.

Георгий был упертый, словно баран. И обиделся на меня, разочаровался. Он думал, что я приехала за права простых работяг бороться, людям помогать. Там даже юристов толковых не было. Дела рассматривались на коленке.

Он положил мне на стол папку со всеми документами и деньги - двадцать тысяч. Сказал, что это только аванс. Двадцать тысяч тогда были огромной суммой, на эти деньги можно было купить квартиру, машину, дачу и жить спокойно. Наверняка он снял все, что у него было на сберкнижке, все, что накопил.

- А если я возьму деньги, и ничего не получится? - спросила я.

- Ты так не сделаешь, ты не такая.

- Моисей, я такая! Я могу врать и обманывать! Я - юрист! Мне плевать на твоих мамонтов! И Север так и останется Севером! Здесь жизни нет и не может быть! Не эта буровая, так другая. Ты не спасешь всех! Скажи спасибо, что тебе

условный срок дали. Живи и работай дальше. Зачем тебе эти проблемы?

– Я тебя нанял! – закричал он. – Раз ты такая продажная, считай, что я тебя купил! И ты будешь делать то, что мне нужно!

Георгий ушел, а я начала работать. Позвонила знакомым, села читать материалы дела. И ведь он оказался прав – нельзя было там бурить, ни в коем случае. Удивительно, что только один несчастный случай за все время произошел. Если бы мы были не на Севере, а в Москве, я бы легко выиграла это дело. Доказала бы, что Моисей невиновен. Даже без съемки. Но съемка была нужна, чтобы комар носа не подточил. И я знала, что смогу ее достать.

На следующий день, когда я пришла на работу, меня уже ждала в кабинете женщина. Такая резкая, брюнетка, очень сдержанная, жесткая. На птицу похожа, с носом-клювом. Галина. Имя ей очень подходило – птица-галка. Оказалось, что она работала главным бухгалтером на буровой и хотела помочь Георгию.

– Я оформлю Моисеенко командировку, – сказала Галина, – задним числом. Тогда вы сможете доказать, что его в тот день в поселке не было. У меня все с собой – бланки, печати.

– Это не поможет, – честно ответила я.

– А что поможет? – спросила Галина. – Что нужно сделать?

– Я со своей стороны сделаю все, что смогу, и почти уверена, что мы выиграем. Нужно только набраться терпения. Процесс не будет быстрым. Но я буду защищать Георгия как адвокат. Не волнуйтесь. – Почему вы взялись за это дело? Ради денег или славы?

– И то и другое. Георгий мне нужен так же, как я ему. И потом – я посмотрела документы. Он невиновен. А почему вы так за него беспокоитесь?

– Потому что он честный и порядочный человек. Все за него беспокоятся. То есть я беспокоюсь. Многие уже отвернулись, хотя еще вчера назывались друзьями. Но так ведь всегда бывает, когда человек попадает в беду, правда? И знаете,

хорошо, что вы называете его по имени. У него очень красивое имя – Георгий... Придумали ему кличку, как собаке... – Галина ушла, будто улетела. Она очень быстро ходила.

Ну а на следующий день прибежала ко мне Светлана – заплаканная, заполошная, в истерике. Пришлось ей корвалол накапать, чтобы она успокоилась.

– Что случилось?

– Моисей умер. Угорел в бане, – снова зарыдала Светлана.

– Как – умер? – Если честно, я была в шоке. В это невозможно было поверить. Нет, Георгий не мог умереть вот так – угорев в бане. Он был мужиком, настоящим, а тут... бытовуха.

– Как это случилось?

Света рассказала, что вечером Георгий купил водки, попросил закуску и пошел в баню. У них была роскошная баня – он соорудил ее рядом с лесом. Очень гордился – ведь там бревнышко к бревнышку все было сложено. Не баня, а целый домина – с раздевалкой, купелью, огромной парной. Веники сам вязал. Он любил попариться, знал в этом толк. И после парилки снегом растирался. Считал, что именно поэтому ему никакие болячки не страшны.

В эту баню многие ходили – и начальство, и коллеги, и друзья. А уж когда Моисей за веник брался, то тут уж самые крепкие мужики не выдерживали. А рядом река, сугробы. Хочешь в реку ныряй, хочешь в сугроб прыгай, хочешь – в купель ледяную.

– Как он себя чувствовал перед тем, как в баню пошел? – спросила я у Светланы.

– Расстроен был очень. Хотел напряжение снять. А так все, как обычно. Он же только с виду такой непробиваемый, а оказалось – сердце слабое. Не выдержало. Это его суд подкосил. И приговор. Да, может, и водки перебрал. – Светлана опять стала рыдать и причитать. Я ее до дома довезла, таблеток дала, спать уложила.

А сама все думала – ну не мог Георгий угореть в бане! Да он в парной сидел дольше всех! И все про баню понимал, лекции мог про парную читать. Не любитель какой-то, настоящий профессионал. У него же все по науке, по правилам. Там и температурный режим, и травы разные. Он в бане себя чувствовал лучше, чем в ванной. Молодой, здоровый как бык. Всего тридцать восемь лет. Да какая водка? Он спирт пил, как воду. А тут – бутылка, сказала Света. Да хоть пять! Не верилось в то, что он был расстроенный. Не был! Он бороться хотел. Правды добиваться. Не мог он уж так переживать из-за суда. Не стал бы он меня нанимать, если бы не хотел увидеть результат.

Да и Светлана уж как-то сильно страдала. Не верю я в такие чувства, когда убиваются и волосы на себе рвут.

Я приехала на работу и еще раз просмотрела все документы. Георгий знал, что я отправила запрос на предоставление съемки. И дата кассации была назначена. Два плюс два не сходилось. Не верила я в такие несчастные случаи.

Я поехала в милицию, потом в морг, поговорила с врачом, с участковым, который приехал по вызову.

В Москве я была начальником юротдела, а тут себя новичком почувствовала. Как будто дура молоденькая, совсем жизни не знаю. Ходила, спрашивала, знакомилась. Никто не сомневался в том, что Моисей умер в бане. Светлану все жалели. Ну, и его, конечно же. Никто разбираться не собирался. И мне не советовали. А если кто и сомневался, то не спешил делиться подозрениями – я была новенькой, чужой. Но кое-что я узнала.

Галина, эта бухгалтер, которая ко мне приходила, оказалась любовницей Георгия. И весь город, оказывается, об этом знал. И Светлана знала. У Моисея от Галины и ребенок рос – мальчик трех лет. Вроде бы Георгий и разводиться собирался, только никак не мог решиться. А тут вдруг – этот несчастный случай на буровой. Да и жена – образцово-показательная, со своими расстегаями. Она держалась за Моисея зубами. И говорила, что не даст развод. Мол, они семья. И нужно о будущем думать. А будущее – в ее пельменях и расстегаях. Раз Моисей таким героем считался, то должен соответствовать образу. Светлана обещала такой скандал закатить, что мало не покажется.

Но когда трагедия произошла, Галина сразу сказала – борись, подавай жалобу, доказывай. Я – рядом, поддержу. А жена, наоборот, говорила, что Моисей еще дешево отделался и пусть сидит на попе ровно. Да еще добавила, что ей наплевать на моральные принципы, на этого мужика, который погиб, на всю буровую, вместе взятую, да на все наплевать, лишь бы Моисей деньги в дом приносил.

Что-то мне Галина рассказала, что-то следователь, который не раз в бане с Георгием парился. Он же и посоветовал, чтобы я особо не рыпалась, не поднимала пургу – и так проблем хватает. Несчастный случай, так бывает. Да еще и по пьяни. Хорошо, хоть в сугробе не замерз, а то они жмуриков каждый день вытаскивают. Моисей уже не герой, разжалован, начальству неприятности не нужны. А бабы его пусть сами разбираются.

– Он тебе оставил деньги? – спросил следователь.

– Да.

– Ну и живи спокойно. Возникнут проблемы, обращайся. Помогу, чем смогу. Поселок у нас маленький, так что выживать всем нужно. А будешь мне мешать, урою.

– Не уроешь. Не такие урывали, – буркнула я.

– Ты в Москве, может, и была начальницей. А тут мы все одинаковые. Тут, как в стае, – или вместе, или загрызут. Вот сломается у тебя машина на трассе, я на тебя посмотрю, как ты на морозе будешь прыгать. Тут ведь никто по судам не бегают. Не хочу, чтобы тебя башкой вниз в сугробе нашли. Я тебя предупредил.

Этот следователь, Юрка Соловьев, потом был назначен начальником милиции. Мы стали большими друзьями. Он из Ленинграда приехал. Думал, на пару лет, а задержался. Мы дружили по-настоящему. Он и с трассы меня вытаскивал, как накаркал, – я ведь и вправду застряла на служебной машине и, если бы не Юрка, замерзла бы. И прикрывал всегда. Когда я в Москву уезжала, он чуть не плакал. И мы в аэропорт на милицейском «уазике» ехали... Хороший был мужик. Тоже в Ленинград хотел вернуться, но так и не смог. В Норильск перебрался...

Прошли похороны. Проводили Георгия со всеми почестями. Светлана все слезы выплакала над гробом, как безутешная вдова. Галя на похоронах не появилась.

Я ушла с поминок и вернулась в консультацию. Открыла папку, которую мне Моисей оставил, – еще раз просмотрела дело. И увидела среди документов черновик завещания. Не знаю, как я его сразу не заметила. Судя по дате, Моисей его написал еще до суда – готовился к тому, что его посадят. Все свое имущество и сбережения завещал Галине и родному сыну. Приемному сыну Сереже – квартиру в Ставрополе, откуда был родом. Светлане, законной супруге, – ничего.

Я могла выбросить папку и забыть об этом деле. Аванс оставался у меня. Можно было бы спокойно работать. Но я разозлилась. Так бывает, когда что-то внутри берedit, а ты не понимаешь, что именно. И когда все вокруг говорят – не суйся, очень хочется сделать назло. Я опять поехала домой к Светлане, где поминки проходили – она таких расстегаев наготовила, каких начальство никогда не пробовало. И холодец, и салаты – столы ломились. Я подсела к Юрке и показала ему завещание. Он кивнул. Со стороны казалось, что он пьяный в хлам, но когда мы вышли на улицу, оказался трезвым как стеклышко.

– И что ты хочешь? – спросил он. – Я же тебе сказал – не рыпайся.

– Мне съемку пришлют, я добилась, – ответила я.

– А я что должен делать?

– Скажи мне правду. Георгий мог угореть в бане? Ты в это веришь?

– Это ты могла в бане угореть. Но не он, – ответил Соловьев.

– Там ничего странного не было? Ты ведь знаешь, что я имею в виду.

– Было. Бревно рядом с дверью валялось. Как будто кто-то дверь подпер снаружи, чтобы Моисей не мог выйти. Слушай, я думал это из-за буровой. Чтобы не останавливать работы. Думал, сверху заказ – от Моисея избавиться, чтобы дальше не копал да скандал не устраивал – все же знали про ту съемку, но молчали. Да у нас тут и дома на болоте стоят – не сегодня-завтра поплывут.

Что теперь делать?

- Мне кажется, это не из-за буровой.

- Тогда только бабы остаются, - кивнул Юрка. - Как ему Светка яду в пироги не подложила, удивляюсь. Она ведь его ненавидела. Да только привыкла к славе и почету. Деньги Моисей хорошие зарабатывал. Она ж чуть что - сыном его шантажировала. Мол, как он Сережку бросит? Вот Моисей и не знал, как выкрутиться. Он очень Галину любил. И все равно развелся бы, не мог больше Светку терпеть под боком. Она ему такие истерики закатывала, я бы ее сам задушил.

- Тогда все сходится.

- Ты тоже будешь из себя героиню изображать? Учти, я тебе ничего не говорил, и дело закрыто - несчастный случай. Поняла? Галю с ребенком жалко. Все же жене достанется. Слушай, я же не гад какой-нибудь. Но я правда не могу. Что мне - Светку за решетку посадить? Из двух баб выбирать? У нее тоже ребенок. Моисей пацана как родного любил. А если Светку за решетку, то парня в детдом? Нет, я не могу в этом участвовать. Не могу выбирать из двух зол. Пусть жизнь сама рассудит.

- Ничего не надо делать. Я сама.

- И что ты надумала? Вот я как только тебя увидел, сразу понял, что моя спокойная жизнь закончилась. Ты в другой поселок не могла приехать? Ладно, я домой пойду. Не могу здесь больше сидеть.

Соловьев уехал, а я опять отправилась в контору, отпечатала завещание Георгия на машинке и наставила всех печатей, какие были. Туфта, подделка. Но хорошая подделка. И с этим листочком снова приехала к Светлане. Люди только разошлись. Светлана была не такая уж пьяная. И уже не рыдала. В квартире музыка играла. Она аж пританцовывала.

- Что ты забыла? - спросила она. Ей уже не нужно было изображать горе.

Я показала ей завещание.

- Успел все-таки, гад. - Она налила водки и опрокинула сразу полстакана.

- И как все было? Теперь ты мне можешь рассказать.

- Интересно, да? - У Светланы аж глаза загорелись. Она была собой очень горда, и ей очень хотелось похвастаться.

Она видела, как Георгий пишет завещание. И в тот день, когда он пришел ко мне в контору, думала, что он пошел оформлять завещание. Видела и то, что он кладет в сумку деньги.

- Я ей ни копейки не отдам, - с угрозой произнесла Светлана. - Я на него горбатилась столько лет, а она - на все готовенькое? Да еще этому гаденышу все достанется? А на моего сына наплевать?

- Ты же знаешь, что он никогда бы не оставил тебя и ребенка без помощи.

- Да больно нужны мне его алименты на три копейки! Да если бы у меня мужик был подходящий, я бы его сама давно бросила. Только где тут найти нормального? Был у меня один, но тоже женатый. Все меня дурой считали, а я не дура. Вы все дураками оказались! Даже Соловьев ваш хваленый ничего не заметил!

- Что? Бревно, которым ты дверь подперла? Заметил.

- Только ничего доказывать не стал. И ты мне не мешаешь! Никто тебе не поверит, а мне поверят! Да я с такими людьми знакома, что тебе и не снилось! У меня тут за столом кто только не сидел! Да мне только позвонить, и все - тебя выкинут из поселка! Вернешься в свою Москву, поджав хвост! Бревно они заметили! А трубу, которую я тряпкой закрыла, не заметили? Ничего вы не докажете! Я ведь дождалась, когда Моисей задохнется, и аккуратно тряпку вынула. Нет тряпки, и улики нет! И его нет! Я и сама в милицию позвонила! Все видели, как я плакала, как над гробом рыдала!

- И тебя не мучает совесть?

– Нет. – Светлана налила себе еще водки. – Он мне изменял с этой бухгалтершей! Да и до этого на сторону ходил. Только героя из себя строил. Когда Галка эта сына родила, он пришел и все рассказал. Просил отпустить его. Даже врать не стал. А мне его честность поперек горла. Как будто он один принц такой, а все остальные в говне. И что ни скажет, все у него складно получается. По совести, по чести. Ненавидела я его за это. Он у всех хороший, со всех сторон, а я вроде как его не заслуживаю. Что ты думаешь, я не слышала, как бабы за спиной сплетничали – какой Моисей благородный и как я ему не подхожу? Только, мол, пирогами его и держу. Да, когда ему надо было перед начальством выставиться, так мои пироги жрал и не поперхнулся. Знаешь, как мне хотелось один раз всем сказать – попробуйте сами поживите с таким героем! Я на вас посмотрю. Его все любят, а меня... как будто я кошка подзаборная. Я его ненавидела. Знала, что он уйдет. И почему я должна отдавать свое? То, что мне принадлежит? У меня тоже ребенок. Я не для себя, я для Сережи! Чтобы он из этого проклятого места на Большую землю вернулся. Да плевать я хотела на все буровые, на все работы! Не будет тут ничего! Все, на кого ни покажи, все на Большую землю мечтают вернуться. Только деньги держат. Языком молоть горазды, а по делу... Как прищучит, так и сидят здесь, сопли морозят за эти гребаные надбавки. Я одна знала, что Моисей никакой не герой! Сволочь, ходок и мразь. Вот он какой. Лучше бы его посадили. Я очень хотела, чтобы его посадили, надолго. Уверена была. Думала, заберу деньги и уеду отсюда. Но он и тут сухим из воды вышел! Условный срок. И как же меня раздражали его разговоры! Про правду, про съемку эту. Да кому нужна его правда? Как бурили, так и будут бурить! Нашелся борец. Тут он чистенький, чуть ли не святой, а для меня он преступник. Ненавижу его. Вот похоронила, и легче стало, что избавилась. Да, я счастлива! Сдох он наконец! И забудут его через неделю! Никто и не вспомнит!

– Ты же понимаешь, что я это так не оставлю, – прервала я ее.

– А как докажешь? Кто тебе поверит? Вчера сюда заявила и думаешь, что тебе все можно? Это ты в Москве своей преступников защищай, а у нас здесь все по-другому. И что ты сделаешь? Из могилы его выкопаешь? Или меня в тюрьму посадишь? Ну попробуй. Только кишка тонка. Поживи здесь с годик, я посмотрю, как ты запоешь.

– Я хочу, чтобы ты в ближайшее время уехала в Ставрополь – у Георгия ведь там квартира? Все, как ты хочешь – вернешься на Большую землю. Только не оспаривай завещание, не трепли нервы Галине. Выбирай. Я никому ничего

не скажу. Юрка тоже будет молчать.

– А если не уеду? Я тоже могу адвоката нанять и оставить эту бухгалтершу без копейки! Это мои деньги, а не ее! И квартира эта моя! Шиш ей с маслом, поняла? Я еще узнаю, сколько ты с Моисея взяла! Может, и ты с ним переспать успела? Естественно, не упустила своего! Да я вас всех!

– Да, Георгий оставил мне аванс. За то, чтобы я доказала его невиновность. Чтобы буровую закрыли. И буду делать свое дело. Отработаю. А ты решай сама. Если начнешь портить жизнь Галине или поливать грязью своего бывшего мужа, я докажу, что ты его убила, уж поверь. Если ты думаешь, что Соловьев на твою сторону встанет – ошибаешься. Он и бревнышко то у себя держит. И фотографии успели сделать. А если он копать начнет, так и свидетели найдутся. Думаешь, люди молчать станут? Уезжай. Не надо со мной связываться.

– Стерва, – сплонула Светлана.

Она уехала. Но до этого сняла все деньги со сберкнижки Георгия, собрала все записки и ходила по людям – просила деньги. Плакала, говорила, что муж ее без копейки оставил. Ей давали. Баню она продала – какому-то мужику из города, который ничего не знал о трагедии. Светлана оказалась шустрой. Хотела и квартиру продать, но она принадлежала управлению. Служебная была. А я отдала эти двадцать тысяч, которые получила от Георгия, Галине. Рассказала ей про завещание, предлагала подать в суд. Но она отказалась: «Мне не нужно. Пусть все забирает».

Я дружила с Галиной все время, пока мы жили на Севере. Совместными усилиями все же достали ту геодезическую съемку и закрыли буровую. Был громкий процесс. Я получила и славу, и репутацию. Все было так, как и хотел Моисей – больше не было жертв. Во всяком случае, на его участке.

* * *

– А почему это самый страшный случай в твоей практике? – спросила я. – Конечно, убийство, но ведь ты уже работала по таким делам.

– Светлана с сыном ехали на «Урале» – другой возможности выехать из поселка тогда не было, – и машина застряла на дороге. Снегопад был очень сильным. Пока ждали помощь, сын Светланы, Сережа, простудился. Пневмония. Он умер в больнице, уже в Нижневартовске. Его не смогли спасти. Врачи говорили, что если бы они добрались хотя бы на два часа раньше...

Я тогда поверила... нет, не в Бога. В расплату за грехи. И в то, что за наши грехи будут расплачиваться дети.

Измена

– Знаешь, что было настоящим счастьем тогда? Мы квартиру получили в этом северном поселке. Настоящую. В новом доме. До этого жили в бытовке на болоте – домик от любого сильного ветра мог сложиться, как карточный. Да он и был картонкой, собранной, склеенной на честном слове. Я подружилась тогда с начальником строительного управления – Николаем. Он мне квартиру и достал, можно сказать. Я для него ничего не сделала, несколько раз по работе сталкивались. Ты была маленькая, в пятом классе, и из школы тебе до нашего болота через весь поселок нужно было шагать. Автобусов? то не было. И холод собачий. Вот он раз увидел, как ты бредешь по сугробам, да и не выдержал – пришел ко мне и ключи от квартиры положил на стол.

В новых домах – голые стены, коробки сдавали с бетонными полами. Но, главное, тепло. Газ, батареи шаршили. Колька Сидоров был хороший мужик. Из Перми. Все говорил, что жена его приедет, да такой нам ремонт сделает – закачаешься. Жена его Неля работала маляром-штукатуром. Колька говорил, что у нее руки золотые. Так обои клеит, что на века, и ни одного шва не видно. Очень он по жене скучал и прямо дифирамбы ей пел.

– А какие она вареники делает! С сальцем, с картошечкой, с лучком. Вот приедет, налепит вареников. Сто лет ее вареников не ел. Никто так не умеет.

Почему я про еду все время вспоминаю? Там всегда хотелось есть. И мы говорили о еде, вспоминали блюда, чтобы хотя бы разговорами насытиться. Ну, если женщина умела готовить, то цены ей не было. А уж если из ничего,

из прогорклой муки и вонючего масла...

У Николая росли мальчишки, двое, погодки. Он их обожал. Фотографии мне показывал.

- Вот они приедут, так я и успокоюсь, - говорил он.

- А чего не приезжают? - спросила я.

- У жены объект. Она же ответственная. За ней люди. Пока не закончит, не бросит. Да и я хочу их в нормальное жилье привезти. У нас-то в Перми - однушка, а здесь хочу, чтобы в хоромах жили. Три комнаты. Вот обещали дать, как дом закончим.

- Коль, скажи, а ты жену любишь? - как-то спросила я.

- Конечно, люблю. Да я ж все для нее! Мне и не надо ничего одному!

- Тогда почему ты к Лиле ходишь?

Лиля работала в его же управлении машинисткой-секретаршей - кофе, чай, потанцуем. Вот Сидоров и дотанцевался.

И вот ничего в ней не было. Ее никто не любил. Хамка, недалекого ума. Что в ней нашел? Шутит, что она бульон куриный с клецками варит вкусный. Не такой, как Неля, но тоже очень хорош.

- Так она вцепилась в меня и не отпускает, - признался он однажды. - Я ж думал так, на один раз, а она вцепилась. Говорит, что жене позвонит или письмо напишет. Ну, я и прихожу к ней.

- А что ей надо? Ну, сделай ей квартиру или что там она требует.

- Предлагал. Отказывается. Ей замуж надо. Она хочет, чтобы я с женой развелся. А как я разведусь? Не хочу разводиться. Я ж ради Нели на заработки уехал, чтобы она не корячилась и пожила в свое удовольствие. Она у меня такая трудяга. Мужики так не вкалывают, как она. И за детьми успеваает.

- Так какого тебе рожна было надо, - не поняла я, - если у тебя жена такая замечательная?

- Ну, Ольга, ты спросила... Кто ж тебе ответит? Лилька предложила да прямо прохождению мне не давала, так что я - дурак, отказываться, когда баба сама ноги раздвигает?

- Значит, дурак. Не тем местом думал.

- Дурак. Только как с ней развязаться, не знаю.

- Застегни ширинку и не расстегивай! Лиля сама отвалится.

Но Колька, видимо, ширинку не застегнул. И уже весь город знал, что он с секретаршей живет. Да та еще и обнаглела. Хамить всем стала и вести себя так, будто ей все позволено. На нее жаловались, а Сидоров только хмыкал и обещал, что поговорит с ней. Но все разговоры в постели заканчивались.

Выбил он ей и квартиру однокомнатную в новом доме. И вроде как даже в отдел кадров перевел из секретарш. Только ей мало было.

Как-то вечером Сидоров пришел ко мне.

- Выпить есть?

- Есть, что случилось?

- Квартиру мне дали. Как я хотел.

- Поздравляю! А чего такой нерадостный?

- Неля приезжает через неделю. Что мне делать? Посоветуй.

- Я тебе уже говорила, что делать, но ты не послушал. А что твоя секретарша?

- Ультиматум поставила. Сказала, чтобы я жене позвонил и сделал так, чтобы она не приезжала. А если приедет, то Лилька обещала сама ей все рассказать.

- И что ты думаешь?

- Неля не простит. Она у меня честная. Точно разведется. А я не могу без нее. Скучаю. И мальчишки. Что им сказать? Плохо мне, Ольга.

- Может, Лилька просто так угрожает? Не хватит у нее духа скандал устраивать. Что у нее - совсем совести нет?

- Нет. Она расскажет.

- Слушай, ну, ты - мужик, ладно, все понимаю. Но ты нормальную любовницу себе не мог найти? Хотя бы с мозгами? Лилька ведь тупая как пробка и противная. Ей все равно, с кем было в постель ложиться.

- Да знаю я! Все знаю!

- Так поговори с ней и расстанься прямо сегодня. Скажи, что жену любишь. И пусть она подальше от тебя держится. Объясни, что не собираешься разводиться.

- Так объяснял! Сколько раз! Не понимает...

- Не понимает, потому что ты с ней продолжаешь валандаться!

Сидоров ушел в расстроенных чувствах, а через неделю привез свою ненаглядную Нелю и двух сыновей из аэропорта. Не отходил от них, по гостям водил, город показывал. С мальчишками в хоккей играл, Неле дубленку подарил. Ко мне в гости тоже пришел.

- Вот, это моя жена. А это Ольга - она юрист. И друг. Чуть дочку свою не заморозила, только я не позволил. Представляешь, Машка ее ходила одна из одного конца города в другой. В куцей шубейке. А ты же видела - у нас фонари через один работают. Жили они на болоте, в этих бытовках даже мужики не выживают, ломаются. А Ольге хоть бы хны. Вот я раз ее Машку

увидел – идет такой снеговик, топает по тропинке. Ну, второй раз увидел. Думаю, что там за мамаша такая? Так с Ольгой и познакомился. Мировой мужик! То есть женщина... У нас ее в управлении все боятся. Если что, сразу к ней бегут – она ж из Москвы, не голова, а дом советов. Любую проблему на раз решит. Даже покурить не успеешь. Ну, вот.

– А что ж у вас обоев даже нет? – ахнула Неля. – И, Коленька, смотри, тут ни одной ровной стены! Как же вы строили? А нам, малярам, потом за вами доделывать? Вот как всегда. – Она обвела профессиональным взглядом нашу квартиру. – Ну ничего, я сама вам тут все сделаю по уму. Отдирать будете, не отдерете. И обои сама поклею. Работы много, но ничего. Стеночка, как стрела, будет!

– Так, вы тут побудьте, а я на работу сгоняю по-быстрому и вернусь. К ужину! – обрадовался Сидоров.

– Колька, ты же знаешь, у меня шаром покати! – крикнула я ему вслед.

– Так я все принесла, – улыбнулась Неля, – меня Коленька предупредил.

Мы сели лепить вареники. Неля через мясорубку прокручивала сало, пережаривала лук и толкла картошку.

Она была точно такой, как говорил о ней муж. Добрая, простая, искренняя. И честная. Видно, что душа открытая. Вот Сидоров мне помог, и она бы помогла не задумываясь.

Налепили мы вареников, Коля вернулся с работы, детей привел, мы сели ужинать. Он глаз с жены не сводил. И мальчишки у них были отличные, такие мужички маленькие. На отца очень похожи. Плотненькие, коренастенькие, домовитые, улыбчивые.

Сидоров чуть не рыдал от счастья, когда вареники уплетал.

– Нелечка, это что-то! – приговаривал он.

Я молчала, как воды в рот набрала. Надеялась, что обойдется у них все.

Жили вроде бы спокойно. Лиля эта тоже притихла – уж не знаю, что ей Сидоров наобещал. Неля поклеила обои в нашей квартире.

– Может, нанять кого-нибудь? – предлагала я, видя, как она мешает растворы, разводит клей.

– Нет, я сама. Другие не так сделают. Потом за ними переделывать.

И действительно, ни одного уголка не отошло, ни единого шва не было видно. Мы уже уезжали с Севера, а обои как новые держались. Ко мне народ как на экскурсию ходил – спрашивали, кто так стены выровнял.

Неля без работы не осталась. На нее уже очередь выстроилась. Колька переживал.

– Зачем тебе это? Живи и радуйся!

– Так скучно мне так. Не могу я. Не привыкла, – отвечала она. – Я чуть-чуть. В свое удовольствие. Да и деньги хорошие предлагают.

– Я тебе любые деньги дам, только отдохни, – умолял Сидоров. – За мальчишками следи.

– А чего за ними следить? Они самостоятельные.

Мальчишки были тоже трудяги, в родителей. Учились, ходили на секции. Быстро освоились, матери помогали.

Я уже выдохнула. Думала – все, беда миновала. Лилия заткнулась и не высывалась. Сидоров вокруг жены круги наматывал, в кино мальчишек водил. Гостей звал. Очень он гордился семьей. Но видно было, что у него сердце беспокойно. Посерел, похудел, несмотря на вареники. Я его как-то застала в кабинете на работе – он сидел и пил. В одиночестве.

– Коль, ты чего?

– Лилька проходу мне не дает. Я уже не знаю, что придумать. Неле говорю, что на службу вызывают. Нет у меня уже сил врать.

– Ты что, до сих пор к ней бегаешь?! При жене под боком?! – не поняла я.

Сидоров налил водки и выпил.

– Не отпускает она меня. Сам не знаю, что происходит. Как придет, сядет на стол, и все. Держит она меня при себе. И все грозит, что Неле расскажет. А Неля мне не простит. Заберет мальчишек и уедет.

– Может, лучше признаться самому? Пока не поздно.

– Нет, ты что? Я же Нелю знаю. Она даже разговаривать не станет. Я один раз... э... было уже. Она меня простила. Но сказала, что второго раза не будет. Она ведь без меня проживет, справится. И мальчишек на ноги поставит, и денег заработает. Это я без нее не смогу. Пропаду совсем.

– Мужики не пропадают. Неля твоя пахать будет и только о сыновьях думать. А ты завтра женишься и уже через год опять отцом станешь. С коляской будешь гулять и новой жене в глаза заглядывать.

– Нет, ты что! Не надо мне никаких новых детей! Оль, мне и так плохо. Не знаю, что делать. Хожу, как по болоту. Не знаю, когда провалюсь. Лилька говорит, что, пока я к ней буду приходить, она ничего Неле не скажет. А я уже заврался по горло.

– Или ты сам разберешься, или за тебя женщины разберутся. Лилька твоя злопамятная, дурная и жестокая. Раз ее двое детей твоих не остановили, ничто не остановит. Вот говорила я тебе – хочется тебе бабу, найди умную. Или замужнюю. Чтобы или мозги были, или страх самой все потерять. А Лилька – хамка. Наглая, беспардонная девица, которой терять нечего. Учти, если что, я буду на стороне твоей жены и детей. И не приходи ко мне, если разводиться надумаешь.

– Да понял я, понял!

Я думала, что бабы проболтаются или Неля сама обо всем догадается. Но Лиля не выдержала первой. Начала Неле домой названивать и рассказывать, как они с Колей любят друг друга. Выложила все, что было и чего не было. Мол, Коля ей и жениться обещал, и квартиру ей устроил. Дети ему тоже не нужны, он только от нее детей хочет.

Неля слушала и плакала. Приходила ко мне, лепила вареники и спрашивала, что ей делать. У меня тогда не юридическая, а психологическая консультация на дому была.

- Это правда, Оля? Правда, что он хотел меня бросить? - спрашивала Неля.

- Неправда. Он тебя ждал. О квартире мечтал большой. И скучал, - отвечала я.

- Почему она мне звонит все время? Разве ей не стыдно?

- Ей не стыдно. Зачем ты ее слушаешь?

- Не знаю. Мне больно, очень больно, а я трубку положить не могу. А она рассказывает во всех подробностях, где они с Колей встречались, как время проводили, что он ей говорил, как они спали вместе. А я, как дура, слушаю и молчу.

- Послать не пробовала?

- Знаешь, я как будто немею. То есть это не она меня боится, а я ее. Вроде как я виновата, а не она.

- Неля, ты же маляр, ты же с мужиками управляешься не хуже, чем с валиком! Что ты с одной хамкой не справишься?

- С мужиками проще. Я не знаю, что ей сказать.

- Скажи, что валиком ее в зеленый цвет покрасишь.

- Оля, мне не смешно, правда. Я не знаю, что делать. Посоветуй, а?

– Сидоров твой мне говорил, что у вас уже была такая история. И ты сказала, что не простишь. Работа у тебя есть, голова тоже. Не можешь его простить, возвращайся в Пермь и живи спокойно. Он сам к тебе приползет.

– А мальчишки? Им отец нужен! И Коля их любит. Как я могу?

– Тогда прости и забудь.

– Тоже не могу. Понимаешь, много лет назад, когда Коля загулял, я была молодая, красивая. Знала, что хоть завтра за любого строителя замуж выйду. Смелая была и гордая. А сейчас? Мне уже не двадцать восемь и даже не тридцать два. Сорок. И мне страшно. Понимаешь, по-бабски страшно. Боюсь одна остаться. Мальчишки страдать будут. Не смогу же я им сказать, что их папа меня бросил и другую женщину завел. И мне нравится жить с Колей. Он родной. Ну что, руку мне отрезать? Или ногу? Он же хороший мужик, честный. Сама знаешь. И нас всегда содержал. Меня оберегал. Заботился. Я вот по сторонам смотрю, а мне никто не нравится. Никто на Колю не похож. Понимаешь? И даже если я уеду, ну, не останусь я одна. Он ведь отец. Будет к мальчишкам приезжать, звонить. Я не буду чувствовать себя свободной. Все равно он у меня за спиной будет стоять. Он свою жизнь построит, а я нет. Не смогу. Какая это свобода, если бывший муж всегда рядом. А я его знаю – он и ревновать будет, и звонить, и приезжать. Не бросит он нас. Не такой он.

– На всех его не хватит.

– Хватит. А если он уйдет от этой Лильки и вернется? Как я смогу его простить? Не смогу. Не забуду я этого. Вот где он сейчас? Наверняка у нее. Придет поздно и врать начнет напропалую. Каждый вечер так. Он врет, я знаю, что он врет, но убеждаю себя в обратном. И киваю, мол, да, устал на объекте, работой завалили. Мне самой противно. И за него стыдно.

– Тогда сделай паузу. Не разводишься, а уезжай на время. Пусть подумает.

– Оль, ты же знаешь, как будет. Я там, в Перми, а она здесь. И она ему такое накукует, что он останется. Придумает сто причин и останется. Он ведь мне сказал, что я во всем виновата, потому что не поехала сразу с ним, а в Перми осталась. Понимаешь? Ему тоже плохо, и он виноватых вокруг ищет. А зачем кого-то искать, когда я рядом? Вот с его слов получается, что я его сама

в постель к этой Лильке уложила. Собственными руками.

- А ты чего ожидала? Что он скажет - я виноват? Он боится тебя потерять. Лильку эту не любит, а боится. Она ему угрожала, что тебе все расскажет.

- Оль, а теперь что? Я все знаю. Чего бояться? Почему он и сейчас к ней ходит?

- Не знаю.

- Помоги мне. Можно так развестись, чтобы все было спокойно? Не через суд?

- Можно, мировое соглашение. Только я этим заниматься не буду. Ищи другого адвоката. Я не могу. И пойми, спокойно не будет в любом случае. Даже если разведешься, ты выдержишь? Он будет уходить, и ты будешь знать, к кому он уходит.

- Оль, я не знаю... Мне уже и так плохо, и сяк плохо.

- Работай. Возьми еще заказ. Хоть об обоях будешь думать, а не о том, где Сидоров валандается.

- Оль, за что он так со мной? - заплакала Неля.

- Не знаю.

Не помню, сколько прошло времени. Слышала, что Сидоров работает, Неля тоже. Больше ничего не знала - моталась по командировкам. И только вернулась из Нижневартовска, зашла в контору, и тут же в дверях появился Юрка Соловьев, начальник нашей милиции.

- Привет, как съездила? - спросил он.

- Юрка, что случилось, говори сразу. Ты бы еще у меня про здоровье спросил. Давай уже без предисловий.

- Да нет. Все нормально. Просто давно тебя не видел.

- Соловьев, я тебя как облупленного знаю. И мы виделись с тобой. Неделю назад. Забыл? Говори уже! А то я начинаю нервничать.
- Выпить хочешь? У меня с собой. Коньяк, как ты любишь.
- Юр, вот сейчас ты меня и вправду напугал. Коньяк? Откуда взял? Наливай уже и не сиди с таким лицом.
- Лилька, любовница Николая Сидорова, умерла.
- Как - умерла?
- Врачи говорят, задохнулась. У нее приступ астмы случился. А в доме, где она жила, ремонт шел. Ну, ты знаешь, там, где Сидоров ей квартиру выбил. Сверху красили, снизу белили. А людей же не выселишь. Вот она и задохнулась, краски нанюхавшись.
- И что? Зачем ты ко мне пришел?
- Посоветоваться.
- Советуйся.
- Там у нее по полу ведро с раствором было разлито. Не знаю, что за дрянь. Вроде как стены выравнивать. Едкая гадость. Запах такой, что глаза слезятся.
- Ну и? Если в доме ремонт, то и в ее квартире тоже. Строители могли оставить, она зацепила случайно ведро и перевернула.
- Да, так врачи и сказали. Я и в протоколе записал.
- Тогда в чем проблема?
- В ее квартире ремонт не делали, - выдавил Юрка. - Уже и обои были поклеены. А она вся в этом растворе. С ног до головы им облита.

- Ну споткнулась, упала.

- Ольга, это как надо споткнуться, чтобы на себя ведро вылить? Да еще и на голову?

- И что ты думаешь?

- Неля, жена Николая. Вот не знаю, что делать. К тебе пришел.

- А почему не к ней? Пришел бы к ней и спросил.

- Я не могу. Понимаешь? Лильку все ненавидели, а Неля уже половине поселка такой ремонт забабахала, как в музее. Да и мне она кухню поклеила. И Сидоров! Он же мне друг!

- Кстати, а как он среагировал?

- Нормально. Выдохнул мужик. Да нет, ты не пойми неправильно. Он не обрадовался. Просто как будто его отпустило.

- Ты ему сказал про свои подозрения?

- Да ты что? Нет, конечно. Только вот тебе говорю. А кому еще?

- Ты думаешь, это она?

Юрка кивнул. Он был уверен, иначе бы ко мне не заявился.

- И что дальше будет? Ей минимум восемь лет грозит. Тюрьма северная. Она там через год умрет, а то и раньше. Двое мальчишек останутся. Давай действуй.

- Ольга, ты с ума сошла?

- А зачем ты тогда пришел советовать? Раз врачи все подписали, ты протокол составил. Значит, уже все решил для себя.

– Вот невозможно с тобой разговаривать! Вечно ты так по полочкам разложишь, что я еще и идиотом оказываюсь. Пойду я. Коньяк себе оставь.

Едва Юрка уехал, а я собралась домой, как на пороге появилась Неля.

– И тебе добрый вечер, – сказала я и налила ей коньяк. – Не волнуйся, все будет хорошо.

– Ты уже все знаешь? – спросила она.

– Работа такая.

– Я не хотела. – Неля заплакала. – Не знала, что у нее астма. Уже вторые сутки не сплю, тебя жду. Пришла признаться. Ты меня будешь защищать?

– В чем признаться-то?

– Как – в чем? Это же я виновата!

– В том, что у Лили сильнейшая астма и ей было противопоказано жить в таких условиях? В этом ты виновата?

– Нет. Ты не знаешь...

Неля сказала, что уже места себе не находила. Лилька ей звонила домой, в квартиры, где она ремонт делала. Преследовала. Около подъезда поджидала. И все требовала, чтобы Неля отпустила Николая.

– Я ей говорила, что не держу его! – плакала Неля.

– Зачем ты с ней начала говорить? Ты же сама ей зеленый свет дала, чтобы она тебя мучила. Нельзя платить шантажистам и разговаривать с террористами!

– Она мне рассказывала, как Коле с ней хорошо, как он не хочет домой ко мне возвращаться, какая у них любовь.

- Так чего она хотела?

- Встретиться и поговорить. Как женщина с женщиной.

- И ты согласилась? Кто-нибудь слышал твой разговор? Она тебя в гости позвала? Время назначила?

- Нет, что ты... Все не так было. Меня как подкосило. Понимаешь, пока она надо мной измывалась, я терпела, но она в школу пришла. Хотела моим мальчишкам рассказать всю правду. А меня в тот день как дернуло. Я с объекта сорвалась и в школу побежала. И там уже ее увидела, около забора. Слава богу, что мальчишки ни ее, ни меня не заметили. Вот я ей и пообещала, что вечером приду к ней.

- И что потом?

- Я пришла.

- Тебя кто-нибудь видел?

- Не знаю. Там же фонарей нет. Я в шубе шла, в платок замотанная. Наверное, видели.

- Ну да, видели фигуру в шубе и в платке. Ты с кем-нибудь разговаривала по дороге? Здравовалась?

- Нет, ты что! Я же от стыда сгорала. Мне было так плохо... Голова кружилась. Я вообще не соображала, что делаю. Я только хотела ей сказать, что пусть забирает Николая со всеми потрохами, только к мальчишкам моим не приближается. Пусть только детей не трогает! Дом у них, кстати, ужасный. Как его сдали-то? Какая комиссия его приняла? Там стены волнами, а пол - я вообще молчу. Ужас, а не дом. И ремонт делают спустя рукава. Посмотрела я, как они подъезд покрасили - руки бы этим мастерам оторвала. Халтурщики. И краску воруют.

- Няня, что дальше было?

– Не помню. Зашла я в ее квартиру, а сама думаю, что надо Коле про краску сказать, да про то, что бригаду уволить, которая ремонт делает. Стыдно смотреть на такую работу. Ведь люди будут думать, что все мастера такие – хапуги и ворюги.

– Неля, ты по делу говори.

– Эта... Лиля... меня встретила в халате шелковом. Вся такая напмаженная, накрашенная. Готовилась. И я в старом свитере и в штанах теплых. Мне так обидно стало. Да я в ее возрасте в сто раз лучше выглядела. И тоже в халате красовалась. Она мне сразу с порога стала пакости всякие рассказывать про интимную жизнь с Колей. Мол, ему со мной давно плохо. А с ней хорошо. Я еще терпела, как могла. Но когда она сказала, что он от нее ребенка хотел, что умолял ее родить и обещал наших мальчишек оставить, тут я не выдержала. Правда, как пелена перед глазами. Хотела я ее за волосы оттащить или ударить, только не могла к ней подойти. Мне противно было. Оля, она ведь даже не красавица какая-то. Ну что он в ней нашел? За что со мной так поступил? Ну, признался бы честно, что больше меня не любит, что хочет жить с другой женщиной, разве бы я держала? Не могу понять, зачем он так врал?

– И что ты сделала?

– Там ведро в коридоре стояло с раствором. Я ведь так у двери и осталась, не стала проходить в квартиру. А увидела знакомый предмет – и мне как будто легче стало. Я это ведро взяла и на нее вылила. Просто от злости. Я же не знала... Получается, что я ее убила.

– А потом?

– Вышла из квартиры. Слышала, как она побежала в ванную отмываться и меня последними словами крыла. А я вернулась домой и села вареники лепить. Меня это успокаивает, да и мальчишки любят вареники с картошкой.

– И тебя кто-нибудь видел?

– Да, соседка заходила за салом.

- Вот и хорошо. Много налепила-то?

- Много. Даже не знаю, как так получилось. Наверное, на нервной почве. Заморозила. Хочешь, тебе завтра принесу. Скажи, а что со мной дальше будет?

- Значит, так, вареники приноси обязательно. И соседку угости. Если ты хоть рот раскроешь, что ходила к Лильке, я тебя сама в банку с краской засуну и валик в рот воткну, чтобы ты молчала. Поняла?

- Оль, как же так? Это же моя вина!

- Нет, это не твоя вина. Запомни, тебя там не было. Ты к Лильке ближе чем на сто метров не подходила. Поняла?

- Поняла. Но ведь это неправильно.

- А правильно, что твои мальчишки в детдом попадут? Или пока ты будешь в тюрьме сидеть, твой Николай найдет им новую маму?

- Оль, ты что? Нет, я же не хотела. Не специально.

- Только нашему суду ты это не докажешь. И я тебя могу спасти только сейчас. Кстати, Юрке Соловьеву тоже завтра своих вареников принеси. Очень он их любит.

- Принесу, как скажешь.

- Вот и договорились.

- А что мне сейчас делать?

- Иди и свари своим мальчишкам щи или борщ.

- А уху можно? - Няня вела себя как ребенок, которому нужно было четко сказать, что делать дальше.

- Можно и уху. Только Машку мою забери. Я еще поработаю.

- Машку... да, конечно. У меня еще тесто есть на пирожки. Заморозила на всякий случай.

- Вот и отлично. Иди, накорми детей. Я скоро приду.

Неля ушла. Я была уверена, что она сделает все, как я сказала. А я отправилась к Сидорову на работу, в управление.

Он сидел один в кабинете и пил водку, как воду.

- Давно сидишь? - поинтересовалась я.

- Давно, только без толку. Ни в одном глазу. Ты уже все знаешь?

- Да, Юрка Соловьев приходил.

Николай кивнул.

- Ну, чего домой-то не идешь? - продолжала я.

- Сейчас пойду. Посижу еще чуть-чуть и пойду.

- Тебе Лильку жалко?

- В том-то и дело. Не жалко. Я все думал, как от нее избавиться, и вот, накаркал. Раньше нет, не думал, а когда она стала Нелю доставать... Жена терпела, молчала. Но я?то знал. Лиля мне докладывала - как она звонила, что сказала. И вот тогда я хотел, чтобы с ней что-нибудь случилось. Ты не подумай, это я так, в запале. Не знал же, что так все выйдет. Я ведь тоже про ее астму ничего не знал. Я когда узнал, мне легче стало. И сейчас пью, а ничего, кроме облегчения, не чувствую. Как ты думаешь, Неля меня простит?

- Не знаю. Пойдем домой. Я Машку заберу. Ее твоя жена ужином кормит.

А потом было так, как я и предполагала. Неля уехала в Пермь. Не смогла жить в нашем поселке. Никто, кроме нас с Юркой, так и не узнал, что это она вылила растворитель. Николай думал, что жена ему измену не простила. Но дело было в самой Неле. Она из-за самой себя уехала. Николай катался первое время туда-сюда, в отпуск к семье ездил. Но переезжать в Пермь отказался. Даже ради семьи. Там он был никем, надо было все сначала начинать, а здесь ему было легче, проще. А Неля ни в какую не хотела приезжать в поселок. Они развелись. И Николай стал жить с очередной секретаршей – девчонкой, лет на пятнадцать его моложе. И все было так, как всегда. Неля мальчишек воспитывала, работала. А Николай по выходным водил свою новую жену, беременную, в кино. Жена была очень довольна – трехкомнатная квартира с отличным ремонтом, муж-начальник.

Чужие похороны

– Ну уж Зину ты точно помнишь, – начала рассказывать мама.

– Да уж, – ответила я.

Тетю Зину, которую на самом деле звали Дузима, было сложно не запомнить. Они с мужем Габой приехали на Север из Бурятии и считались местными знаменитостями. Нет, скорее, достопримечательностями. Тетя Зина работала поваром. Можно сказать, была гением кастрюль и половников, шеф-поваром всей округи, включая город. И могла сотворить ужин из ничего. Перловка? Да из нее такая каша получается! А рыбный бульон? Тетя Зина варила такой бульон из рыбьих голов! Она рассказывала, что училась у коренной жительницы Севера. То ли ханты, то ли манси. Я ее тоже видела – маленькая, почти крошечная, старушка с длинной косой, доходившей до пят. Тетю Зину она считала своей... Так вот бульон. «Никогда не наливай бульон в тарелку, – учила меня тетя Зина, – пей из кружки. Настоящий бульон нужно пить, как чай». Бульон был и первым, и вторым, и третьим блюдом. А уж домашний хлеб, который тетя Зина умудрялась печь из муки грубого помола... Это был самый вкусный хлеб, который я когда-либо ела. Банкетные столы были ее коньком – рыбу она выкладывала целиком, вырезала из обмороженной морковки цветы.

Тетя Зина была очень востребована, и ее вызывали в город, если ожидались почетные гости, был юбилей важного начальника или свадьба. Она предъявляла одно, но жесткое требование – машина. Повариху нужно было забрать от дома и довести до кухни, где бы эта кухня ни находилась. Официально она работала в обычной столовой в нашем поселке лишь потому, что ей был выделен личный транспорт с водителем Шуриком, который мог преодолеть на своем «уазике» снегопады, заносы, завалы, разливы, половодье, снежную бурю и прочие погодные сюрпризы. Что бы ни происходило на улице, Шурик всегда стоял под всеми парами и ждал свою хозяйку.

Да, если кухня находилась выше второго этажа, то тетя Зина наотрез отказывалась ехать. Ни за какие гонорары не соглашалась.

Дело было вовсе не в капризах – она весила килограммов сто пятьдесят, если не больше, и спокойно себя чувствовала только в пределах кухни. И чем меньше была кухня, тем комфортнее было тете Зине. У нас в квартире, на крохотуличной кухне, она очень любила готовить. Пешком Зина ходить почти не могла. Боялась оступиться, упасть и больше не встать. И выше двух лестничных пролетов не поднималась – задыхалась. И только Шурик – жилистый, маленький, худющий, евший за пятерых под присмотром тети Зины, но никак не толстевший, мог погрузить ее в машину. Подсадить, подтолкнуть и мягко плюхнуть на сиденье. Тетя Зина приседала, крякала, задирала юбку, дубленку и кричала: «Готова, давай!» – и Шурик в этот момент вжимался плечом в мягкую попу своей начальницы и рывком бросал ее вперед. Он же следил за тем, чтобы тетя Зина не мерзла – а она, несмотря на полноту, была мерзлявой, – и включал в машине печку на полную катушку. Тете Зине нравился жар – рядом с раскаленной духовкой ей было хорошо. В дыму, чаду, когда уже все официанты и тети-Зинины помощники обливались потом, она лишь обмахивалась фартуком – довольная, счастливая, с легким румянцем.

– Давай я с тобой гулять буду, хоть по чуть-чуть, – предлагала мама.

– Зачем? – искренне не понимала тетя Зина.

– Ты похудеешь, будешь лучше себя чувствовать.

– Мне и так хорошо. Повар должен быть толстым. Кто ж поверит, что я вкусно готовлю, если буду тощая, как глиста, – хохотала тетя Зина.

- Ты скоро в дверь не будешь проходить! На тебя в самолете два места придется заказывать!

- А я на поезде ездить буду! - продолжала хохотать тетя Зина.

На работу она возила с собой табуретку, сделанную по спецзаказу, - шире и выше обычной, стандартной. Шире - чтобы уместить свое мягкое место, а выше - чтобы видеть то, что булькает в кастрюлях. Любимое положение тети Зины - сидеть на табуретке, на которую никто, ни при каких обстоятельствах больше не садился, болтать маленькими, пухлыми, как у младенца, ножками и отдавать указания.

С мамой они дружили на почве еды. Тетя Зина сумками возила нам дефицитные продукты. Мама предлагала ей деньги, но та всегда отказывалась. У нее было правило - «за сырую еду брать нельзя». Но если тетю Зину просили испечь торт или запечь мясо, то в этих случаях у нее была жесткая такса. Дорого. Однако никто не возражал - других таких поварих не сыскать. И никто не владел искусством из одной тощей курицы соорудить стол на десять человек. Тетя Зина фаршировала куриную шею, шпиговала грудки, жарила крылья и голени, а из остова варила роскошный суп. Даже кожа шла в дело - повариха фаршировала ее грибами и запекала.

К нам тетя Зина заезжала чуть ли не каждый день. Шурик выгружал ее из «уазика» и поднимал на второй этаж.

- Твою ж мать, - говорила тетя Зина, заходя в квартиру, - Ольга, почему ты не живешь на первом?

У нас ей нравилось. Она занимала собой весь диванчик и пристраивала на огромном животе крошечный блокнотик - тетя Зина, несмотря на свои габариты, обожала мелкие предметы. Чем меньше, тем лучше. У нее был маленький блокнот, огрызок карандаша, крошечная сумочка, в которую помещалась только малюсенькая, кукольная расческа. Деньги тетя Зина прятала в лифчике, в недрах своей необъятной груди, так что кошелек ей был не нужен. Единственное, что доставляло ей неудобство, - маленький размер обуви, тридцать пятый. Мама, если мы ехали в Москву в отпуск, всегда привозила тете Зине обувь - то тапочки, то туфли на каблучке. Повариха встречала обновки безудержным восторгом. Шурик был рядом - помогал начальнице примерить,

втискивая ее крошечную, но пышную ногу в туфли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/masha-traub/istorii-moej-mamy-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)